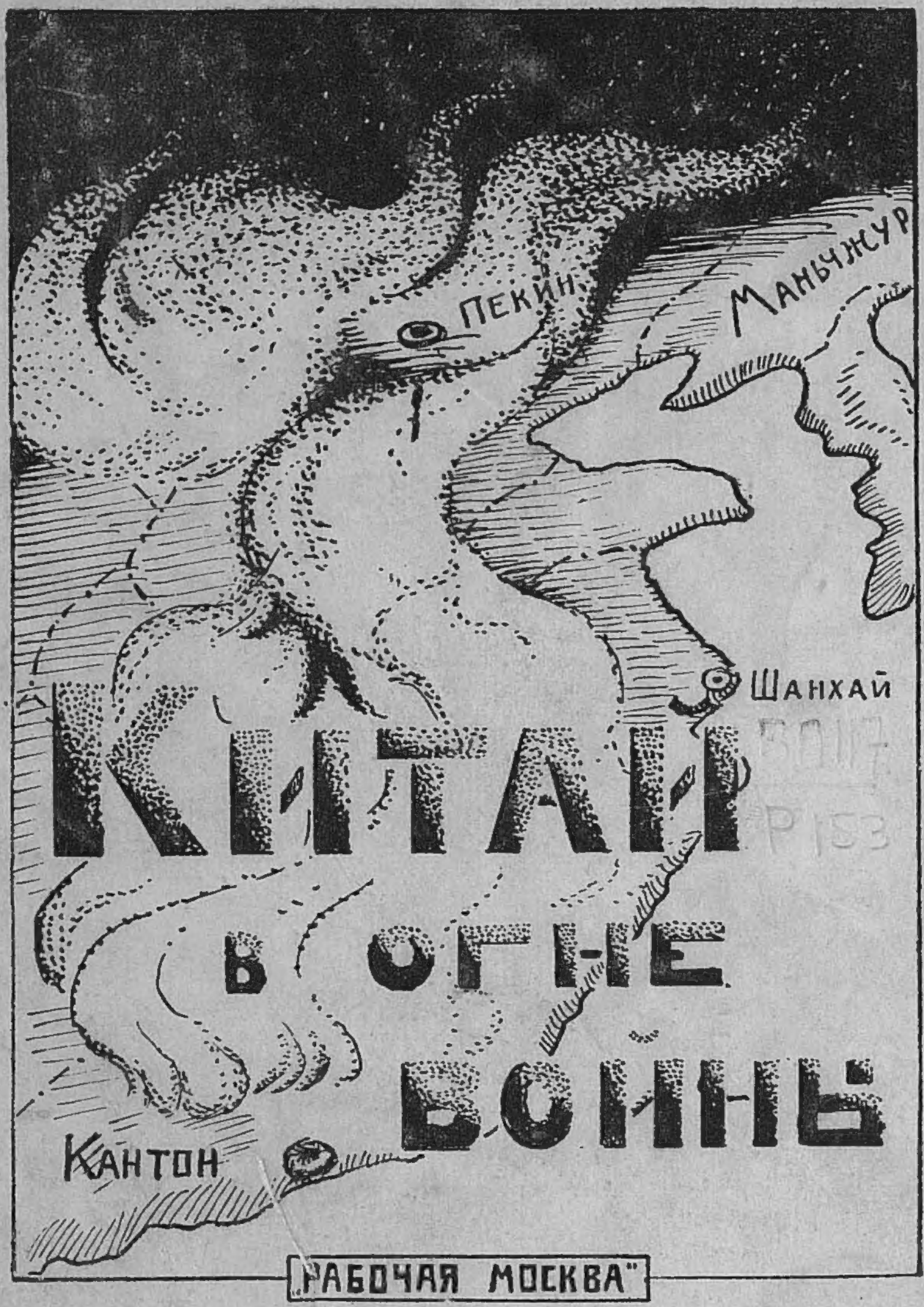
Радек, К
Китай в
огне войны

М., 1924

ИМЛ—Библиотека
ЕН161
К486



КИТАЙ В ОГНЕ ВОЙНЫ

„РАБОЧАЯ МОСКВА"

ЕН 161
К 486

Радек К.Б.
х

Руки прочь от Китая!

КИТАЙ В ОГНЕ ВОЙНЫ

СОДЕРЖАНИЕ

1. КИТАЙ ВЧЕРАШНЕГО И СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.
2. ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ.— ДОКЛАД тов. **РАДЕКА**

„РАБОЧАЯ МОСКВА“
1924.

ЕН 161
К 486

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
9380
(19/51
26)
5009 с.
1058783

Москва. Гублит № 16.788. 20.000 экз.

„Мосполиграф". 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Китай вчерашнего и сегодняшнего дня.

Природные богатства Китая неисчислимы.

Империалистические стремления овладеть Китаем легко об'ясняются огромными богатствами этой страны.

Мы до сих пор знаем еще далеко не все о естественных богатствах Китая, ибо он исследован очень мало: огромные пространства, отсутствие удобных путей сообщения в глубине страны, враждебность населения к иностранцам—все это делает пока невозможным полное изучение природы и экономики Китая.

Но и того, что мы знаем, совершенно достаточно, чтобы понять упорные стремления империалистских хищников утвердить свое господство над Китаем.

Уже самые размеры страны пробуждают империалистские вожделения. Территория Китая занимает пространство в одиннадцать миллионов квадратных километров, т.-е. она гораздо больше всей Европы. На этой территории живет четырехсотмиллионное население, т.-е. население в три с лишком раза превышающее число жителей СССР.

Мирный и трудолюбивый народ, в течение веков приученный своими господствующими классами к нищете и скудости, китайцы издавна казались империалистам всех капиталистических государств как бы предназначенными для самой безудержной эксплоатации. Возможность получить в Китае исключительно дешевую рабочую силу, привыкшую к тому же к совершенно рабским условиям труда, чрезвычайно соблазняла капиталистов всех стран.

Но еще, пожалуй, существеннее для империалистов то обстоятельство, что эту силу есть к чему приложить. В недрах земли Китая скрываются колоссальнейшие богатства. По приблизительным (далеко неполным) вычислениям ученых, залежи каменного угля в Китае равняется 1 миллиарду тонн, т.-е. составляют одну шестую часть всех запасов каменного угля на земном шаре. Если вспомнить, какую огромную роль играет в политике империализма погоня за углем, то даже этой одной цифры было бы уже достаточно, чтобы понять натиск иностранного капитала на Китай. Но Китай богат не только углем. О другом постоянном предмете империалистских вожделений — о железе — иностранные коммерческие справочники обыкновенно говорят, что «в Китае железо находят повсюду». Другими словами, в стране открыто уже множество месторождений первосортной железной руды, и новые месторождения постоянно открываются снова. Но этого мало: медь, свинец, олово, ртуть—все эти минералы добываются в Китае в больших количествах, и добыча их могла бы принять громадные размеры при надлежащем

Карта Китая.

Заштрихована часть территории Китая, которым управляет революционное правительство с Сун-Ят-Сепом во главе.

оборудованци, поставленном на уровне современной техники.

Китай богат не только минералами. Его плодородная почва приносит каждый год богатейшие урожаи. Рис и чай, хлопок и сырой шелк производятся китайским сельским хозяйством в огромнейших количествах.

Ограбить Китай уже пытаются давно.

Немудрено, что еще начиная с шестнадцатого века европейский капитал начал стремиться проникнуть в Китай. В течение шестнадцатого и семнадцатого веков, сначала Испания и Португалия, а затем, главным образом, Голландия и Франция посылают свои корабли к китайским берегам и настойчиво добиваются установления торговых сношений с Китаем. Но эти попытки приводили к малым результатам.

Китай жил замкнуто и старательно оберегал свою замкнутость. С одной стороны, правящие классы опасались, что развитие сношений с иностранцами может вывести трудящиеся массы из состояния покорной спячки, а с другой—и население, пережившее несколько разорительных иноземных нашествий, подозрительно относилось ко всякому чужаку. Такие народные настроения позволяли господствующим классам Китая проводить политику замкнутой изолированности под флагом патриотического национализма и старательно оберегать страну от опасных для существующего строя соприкосновений с иноземной культурой. Построенная с этой целью «великая китайская

стена» старалась преградить доступ иностранцам на сухопутных дорогах. С моря же опасность сначала была не велика: слабое развитие техники судоходства не позволяло европейцам совершать большие и частые экспедиции к берегам Китая; иностранные суда проникали в китайские гавани сравнительно редко.

Вот почему до сороковых годов прошлого века вся торговля с иностранцами была сосредоточена только в двух портах: Макао и Кантоне. Только в этих местах и начинало очень слабо сказываться влияние знакомства с представителями иной культуры. Вся же остальная страна жила по-прежнему в глубоком почтении к старине, к суеверным религиозным предрассудкам, к господствующим классам, к правительству и его чиновникам.

Но такими малыми результатами не мог, конечно, удовлетвориться неудержимо развивавшийся в девятнадцатом веке капитализм. И начиная с тридцатых годов прошлого века империалистский натиск на Китай принимает новые крупные размеры.

Первая большая война между Китаем и европейским империализмом вспыхнула в 1840 году. Поводом к ней послужили препятствия, которые китайское правительство пыталось поставить английским купцам, ввозившим в страну огромные количества опиума. Торговля опиумом, ядом, быстро и непоправимо разрушающим человеческий организм, была формально воспрещена в Китае еще в 1796 году, но англичане не обращали на это внимания и продолжали наживаться на выгодном деле спекуляции ядом. Правительство сначала терпело это беззаконие, но под давлением ряда

случаев народного возмущения против английских купцов вынуждено было, наконец, принять решительные меры и в 1839 году в Кантон был послан особый комиссар китайского правительства с предписанием наложить арест на весь ввезенный английскими купцами опиум.

Англия в ответ на это об'явила войну. Само собой разумеется, что хорошо обученная и снабженная по последнему слову тогдашней военной техники, английская армия без труда могла справиться с беспорядочными толпами примитивных китайских войск. Англичане, конечно, одержали победу. Но характерно, что они не довольствовались простыми военными успехами; английское командование считало это недостаточным; чтобы «поднять английский престиж» войска победителей сжигали и разрушали до тла занимаемые ими города. От разрушения спасся только Нанкин, и то—потому, что англичане рассчитывали утвердиться в этом большом и богатом торговом центре. В 1842 году в Нанкине был заключен между Англией и Китаем мирный договор, по которому для английской торговли было открыто пять портов, в том числе Кантон и Шанхай, англичанам был уступлен остров Гонконг и, кроме того, Китай должен был уплатить весьма значительную по тому времени контрибуцию.

Вполне естественно, что к английскому успеху не остались равнодушными и другие империалистические страны. Через два года после нанкинского договора, Франция и Соединенные Штаты, принудили Китай предоставить и им торговые преимущества, подобные тем, которые получила Англия.

Эти поражения сильно подорвали авторитет

китайского правительства в глазах народа. И в 1850 году в южном Китае началось восстание тайпинов (буквально — длинноволосых), которые одерживали одну победу над правительственными войсками за другой. Это было народное движение, доведенных до отчаяния нищетой и притеснениями, крестьянских масс, и оно могло разрастись в настоящую победоносную революцию, если бы на помощь китайскому правительству не пришли англичане. Эта помощь была двоякой: с одной стороны, английские офицеры вступали в качестве инструкторов и командиров в правительственную армию, с другой — англичане снабжали эту армию оружием и нужными техническими средствами. Во главе китайской правительственной армии стал английский майор Гордон.

Затруднительным положением китайского императорского правительства империалисты, конечно, не замедлили воспользоваться. Под мало основательными предлогами, в 1856 году сначала Англия, а затем и не желавшая отставать Франция, снова вступили в войну с Китаем, и через год принудили его к подписанию нового мирного договора в захваченном ими городе Тянь-Цзине. Главный смысл этого договора сводился к открытию для английской и французской торговли новых портов и к уплате Китаем новой контрибуции. Кроме того, Англия и Франция получали право иметь своих постоянных послов в Пекине. Это последнее условие имело большое значение, ибо благодаря ему две крупнейших империалистских державы получили возможность развить в столице Китая привычную для них искусную работу подкупов и интриг. Именно поэтому, когда дело дошло до ис-

полнения этого условия, Тянь-Цзинского договора, китайское правительство отказалось ему подчиниться. В 1859 году прибывшие к стенам Пекина послы не были допущены в город.

Грозила вспыхнуть новая война. Но на сей раз дело было улажено миром: англичане и французы получили право оккупировать три крупнейших китайских города: Кантон, Шанхай и Тянь-Цзин. Мирное решение было найдено стараниями, главным образом, тогдашнего министра иностранных дел царской России, графа Игнатьева. В качестве маклерского вознаграждения Россия получила Уссурийский край.

Пример царской России, обратившей внимание на прямые территориальные захваты в Китае, заразил и другие империалистические государства. В 1883 году Франция захватила Тонкин и Аннам, и после двухлетней войны Китай должен был признать французское господство над этими странами. Через год Англия захватила Бирму. Около того же времени начались столкновения между Японией и Китаем из-за Кореи, находившейся в вассальной зависимости от Китая. Столкновения эти закончились японско-китайской войной 1894—5 г.г. Потерпевший полное поражение Китай, должен был уступить Японии Ляо-Дунский полуостров с Порт-Артуром и отказаться от всяких прав на Корею.

Правда, Японии не пришлось тогда воспользоваться плодами своих побед. Другие империалисты, и главным образом, царская Россия не хотели отдавать ей столь лакомые кусочки. В дело вмешались Россия, Франция и Германия, которые, под предлогом дружбы к Китаю и желания охранить его целость, заставили Японию отказаться от своих при-

обретений. Но взамен того, сами «друзья» поживились на китайский счет. Ляо-Дунский полуостров захватила Россия, Германия завладела портом Киао-Чао, а Франция—Гуань-Чжоу-Фу. Само собою разумеется, что при этом зрелище не могла остаться равнодушной и Англия, которая вскоре же захватила Вей-Хай-Вей.

Результат грабежа—восстание народных масс.

Этот наглый грабеж не мог, однако, пройти без всяких последствий. Если продажное правительство богдыхана (императора) покорно сносило один удар за другим, то в народных массах началось брожение, завершившееся в 1900 году восстанием так называемых боксеров. После убийства боксерами германского посланника в Пекине, барона Кеттелера, европейские и американские империалисты провозгласили знаменитый лозунг «желтой опасности» и решили жестокой карательной экспедицией надолго терроризировать начавший пробуждаться китайский народ. Соединенные английские, немецкие, французские, русские, американские и японские войска заняли Пекин, при помощи неслыханных кровавых жестокостей подавили боксерское восстание, а заодно не преминули, конечно, вознаградить себя за понесенные «убытки». На Китай была наложена огромная контрибуция, от бремени которой до сих пор не может освободиться страна, — а кроме того, иностранцы частью получили новые, частью расширили старые «концессии», т.-е. такие территории в Пекине, Шанхае, Тянь-Цзине и ряде других городов, кото-

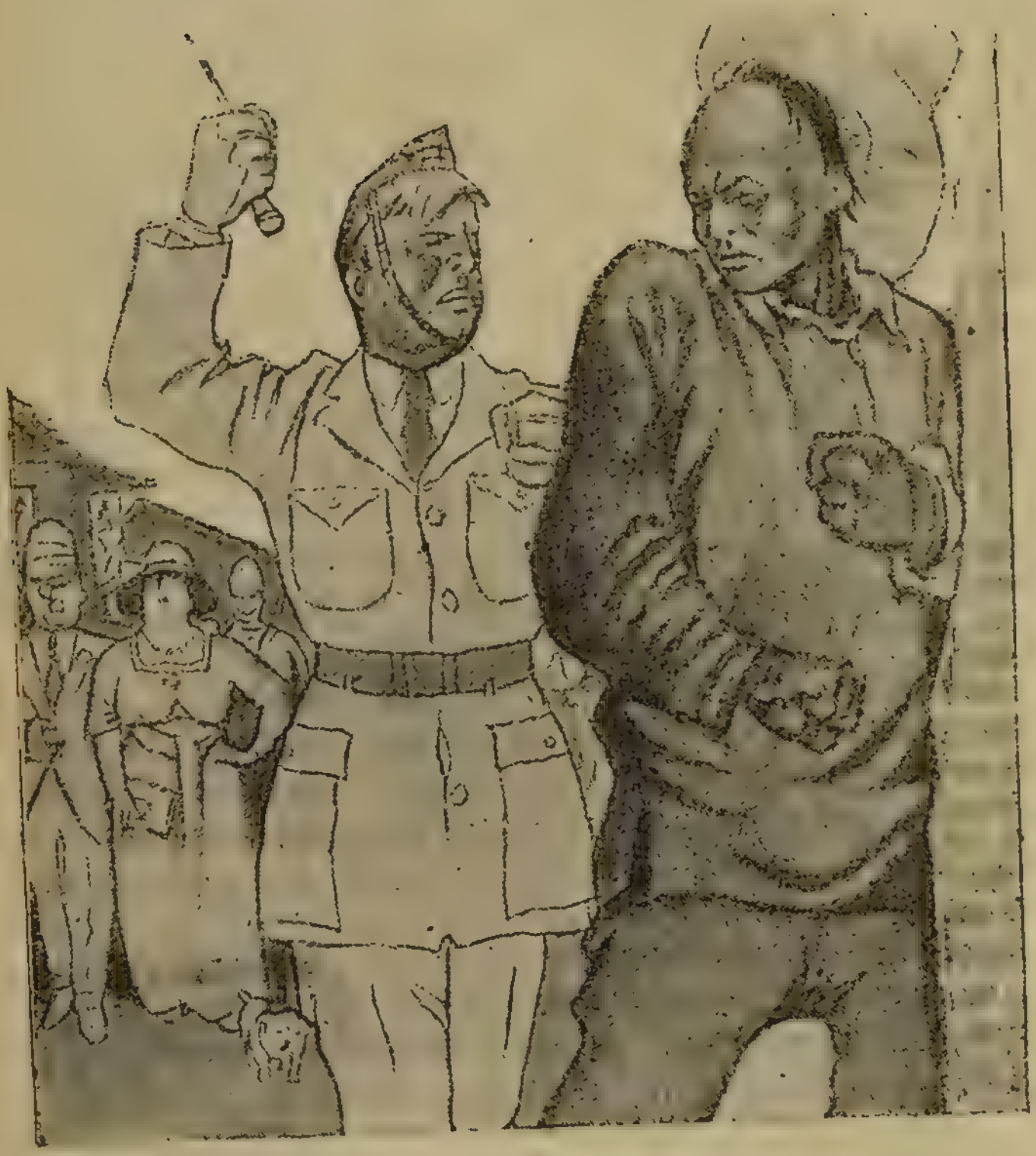
рые поступали в полное заведывание и распоряжение иностранцев. На территории концессий не действует власть китайского правительства и китайские законы: они в сущности являются вполне иностранными территориями, и иностранные державы содержат на концессионных территориях свою полицию и свои войска.

В результате этого упорного империалистского натиска на Китай, к началу нынешнего века страна оказалась под тяжким гнетом иностранного капитала. Европейские, японские и американские купцы сделались хозяевами важнейших китайских портов и торговых центров внутри страны. В их руки попали крупнейшие промышленные предприятия Китая; они же распоряжались финансами страны, частью благодаря растущему могуществу открытых ими в стране банков, а частью при помощи «дипломатического» давления на китайское правительство.

Ко всему этому, не довольствуясь своими «законными» выгодами, иностранные империалисты вообще позволяют себе в Китае делать все, что хотят. Их сила в том, что они не подчиняются китайской администрации и китайским судам. Судить иностранца может только консульский суд. Иностранные капиталисты пользуются в Китае полнейшей безнаказанностью, что бы они ни совершили.

Все это не могло остаться, конечно, без влияния на внутренние социально-политические отношения в Китае. И за последние сто лет в этих отношениях наметился серьезный сдвиг, который в конце концов привел к революции 1911 года.

Мировой империализм в Китае.



Прочь с дороги! Господин посланник изволит прогуливаться.

(Рис. Бор. Ефимова. „Прожектор".)

Классовый состав Китая.

Чтобы этот сдвиг был понятен, надо прежде всего обратить внимание на классовый состав населения в Китае и на развитие китайского хозяйства.

Подавляющая масса населения состоит из мелких крестьян, владеющих очень часто крохотным клочком земли в размере не более одной восьмой или даже одной шестнадцатой части нашей десятины. Только упорным нечеловеческим трудом китайскому крестьянину удается выколотить из своего клочка земли немного рису и бобов,—и это все, чем должен жить он и его семья. Очень часто китайский крестьянин не имеет собственной земли, но арендует ее у местного кулака; тогда даже те крохи, которые он собирает с земли, он должен делить с собственником участка.

Малоземелье и быстрый рост населения влекли за собой в Китае чрезвычайное увеличение количества безземельных крестьян, которые большей частью поддерживают свое существование батрачеством у кулаков. Условия жизни и труда китайских батраков можно сравнить разве лишь с условиями жизни вьючных животных. Неограниченный рабочий день, часто доходящий до 20 часов, заработок, сводящийся к полу-голодному пайку, рабская зависимость от хозяина—вот эти условия.

Немногим лучше и положение рабочего класса. В Китае насчитывается (очень приблизительно в виду примитивного состояния статистики) около 10 миллионов наемных рабочих. Из этого числа больше половины приходится на женщин и детей.

В хлопчатобумажных мануфактурах подавляющее большинство рабочих состоит из женщин и детей в возрасте ниже 8 лет. Что же касается заработной платы, то достаточно сказать, что средний ее уровень колеблется от 7 до 9 центов в день, тогда как голодный прожиточный минимум составляет не менее 30 центов. Жилищные условия жизни рабочих ужасны. Большинство спит в мастерских. Охраны труда не существует никакой.

Нынешнее положение трудящихся в Китае нисколько не лучше, чем сто лет тому назад.

Кто же составляет господствующие классы?

Первенствующее место в стране занимает бюрократия. Дело в том, что последняя китайская династия утвердилась в стране в качестве завоевателей. В семнадцатом веке манчжурские князья завоевали Китай, свергли правившую ранее династию и подчиники себе страну. Новая власть завоевателей создала свою опору в сложной системе чиновничьей бюрократии и в размещении по всей стране своих военных гарнизонов. Сеть военных и гражданских чинов, раскинутая по всей стране, и является главной господствующей группой.

Вторым господствующим социальным слоем являются в Китае купцы. Крупного землевладения Китай не знал, промышленного капитала также не было в стране до последнего времени. Развивался и приобретал влияние только торговый капитал, да еще в сельских местностях—кулаки.

Эти господствующие классы эксплоатируют трудящихся самым беспощадным образом. Помимо описанных условий труда, надо иметь еще в виду

тягостные налоги, бремя которых несут, конечно, крестьяне и рабочие. Налоги при этом почти всецело зависят от произвола местных, т.-е. провинциальных властей. Еще со времени манчжурского завоевания, центральное правительство требует от провинциальных властей лишь определенную ежегодную сумму и определенное количество натуральных продуктов, предоставляя губернаторам провинций собирать все это теми способами, которые они находят нужным применять, и разрешая им взыскивать с населения сколько угодно сверх поступающего в центр. На эти излишки и живет вся провинциальная бюрократия, на них она также и богатеет, сколачивая порою очень крупные капиталы.

До девятнадцатого века, как говорилось уже выше, огражденный «великой стеной» от всяких посторонних влияний китайский народ, если не считать чрезвычайно редких и несильных вспышек скорее отчаяния, чем возмущения,—безропотно покорялся существующему строю. Массам вбивали в голову, что этот порядок установлен богом и природой, что другого не существует и не может существовать не только в Китае, но и вообще нигде.

Проникновение иностранцев в Китай обострило еще больше социальные противоречия в стране, а с другой стороны содействовало и революционизированию сознания масс. Империалистские захваты влекли за собою усиление эксплоатации трудящихся классов, а контрибуции, налагаемые в результате войн на китайское правительство, заставляли последнее еще крепче завинчивать податной пресс, еще суровее и жаднее выжимать из крестья-

1058783
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
Сф
9380

В революционном Кантоне.

Демонстрация рабочих революционных организаций Кантона. Трудящиеся Китая готовы бороться с интервентами.

нина и рабочего с великим трудом добытые им жалкие гроши.

В результате в высокой мере увеличилось обнищание крестьянства, обезземеление и пролетаризация его. Вместе с тем, благодаря промышленному приложению иностранного капитала в Китае, численно вырос рабочий класс. Но обнищание и пролетаризация обгоняли рост промышленности, и образовались значительные кадры безработных.

Революция 1911 года

Таким образом создались об'ективные предпосылки революционных настроений. А одновременно сношения с иностранцами показали массам в главнейших центрах, что существующий в Китае строй—не единственный на свете, что возможен и другой порядок. Равным образом, постоянные поражения китайского правительства в его войнах с иностранцами быстро и решительно подорвали его авторитет.

И когда неурожай и голод в 1911 году довели массы до отчаяния, то революционный взрыв сделался исторической неизбежностью.

Во главе стихийного народного возмущения стала национально-революционная партия Гоминдан, руководимая Сун-Ят-Сеном. Эта партия, которой удалось придать движению достаточно организованные формы, состояла главным образом из интеллигентов и представителей мелкой буржуазии: мелких и средних купцов, служащих, чиновников. Она направляла свои главные удары против деспотической власти богдыхана (императора), но вместе

с тем она ставила своей задачей также и борьбу с иностранным империализмом. Последняя задача отодвигалась, впрочем, пока на второй план.

Революционное движение, охватившее широчайшие народные массы, оказалось победоносным. Прогнившее и преступное правительство богдыхана пало. Созванный руководителями движения парламент провозгласил республику.

Однако, партии Гоминдан не удалось удержать власть в своих руках. Вначале довольно благосклонно относившиеся к ней империалисты вскоре заметили ее националистские устремления и круто изменили свое отношение. Тем временем оправились от поражения и остатки старой бюрократии, военной и гражданской. При щедрой денежной поддержке английских, японских и американских империалистов эти остатки сумели сорганизоваться в серьезную партию (Чжилийскую). В распоряжении этой Чжилийской партии оказались к тому же военные силы, так как подавляющее большинство офицеров было на ее стороне. В результате влияние довольно скоро перешло к этой партии, а когда она в 1917 г. почувствовала себя достаточно крепкой для государственного переворота, то она разогнала парламент и посадила в Пекине свое правительство. Революционный парламент бежал в Кантон и провозгласил там свою власть, а Сун-Ят-Сен был избран президентом.

Распад Китая.

Вспыхнувшая между Пекином и Кантоном, т.-е. между северным и южным Китаем гражданская война не привела к решительным результатам, и

Китай разбился на две части, фактически почти совершенно независимые одна от другой. К ним присоединилась еще и третья: Манчжурия. Командующий войсками в Манчжурии и тамошний генерал-губернатор Чжан-Цзо-Лин, не порывая официально связей с пекинским правительством, на практике действует во всех случаях совершенно самостоятельно, как независимый удельный князь,—а теперь, как известно, об'явил пекинскому правительству войну.

Распадение Китая на части значительно облегчалось тем, что и прежде, благодаря описанной бюрократической административной системе, каждая провинция представляла собою почти самостоятельное удельное княжество. Центральное правительство заботилось лишь о получении своей доли налогов и натуральных податей, а в остальном предоставляло все губернатору. И губернаторы не только вводили свою финансовую систему; они формировали и содержали свои войска, создавали свой административный аппарат, свое законодательство и управление. Восемнадцать провинций Китая были восемнадцатью удельными княжествами. Огромные пространства страны и примитивные средства сообщения не позволяли ввести централистическое управление,—и распыленность страны сохранилась, приведя в конечном счете к нынешнему фактическому распадению Китая.

Если поставить вопрос о внутренних политических различиях между тремя частями, на которые распался теперь Китай,—то большого различия между Манчжурией и средним Китаем, находящимся под властью пекинского правительства, провести нельзя. И там и здесь правят военно-бюрократические клики, правят так же, как правили и

раньше при богдыхане. Разница лишь в том, что пекинское правительство идет на поводу англо-американских империалистов, а манчжурский царек Чжан-Цзо-Лин является слугою японского капитала.

Несколько другая картина в Кантоне, где правит Сун-Ят-Сен. Его правительство старается быть демократическим, а также осуществило и несколько социальных реформ, допустив право стачек для рабочих и разрешив образование профсоюзов.

Несмотря на всю свою скудость, даже эти реформы не замедлили проявить большой шаг вперед, сделанный рабочим классом Китая. Когда в 1922 году в Кантоне состоялась первая конференция китайских профсоюзов, то на ней были уже представлены около 200 профсоюзов, об'единяющих свыше 300 тысяч рабочих. В принятых на конференции резолюциях заявлялись требования 8-часового рабочего дня, намечались меры к развитию и об'единению профдвижения, разрабатывался план взаимной профсоюзной помощи при забастовках и т. д. Руководящие участники конференции не скрывали при этом своих симпатий к Профинтерну.

Рабочее движение в Китае вылилось также и в ряде забастовок, из них крупнейшими были забастовка моряков в 1922 году, в которой принимали участие 120 тысяч человек, и которая надолго задержала в китайских портах 170 иностранных пароходов; забастовки портовых рабочих, плотников, наборщиков, металлистов и железнодорожников в том же году; железнодорожная забастовка 1923 года; забастовка полицейских в Пекине в том же году.

Рабочее движение проявилось и в создании рабочей печати и политических организаций. В Шанхае выходит три рабочих газеты; есть рабочая печать в Кантоне, Ханькоу и еще нескольких городах южного Китая.

Наконец, в 1922 году окончательно оформилась китайская коммунистическая партия, входящая в Коминтерн.

Империалистическая интервенция и гражданская война в Китае.

Доклад т. РАДЕКА в Большом театре.

О том, что делается в Китае, должен знать каждый рабочий.

Товарищи, события, происходящие в Китае, вызвали в нашей стране среди рабочих глубокий интерес. Русские рабочие, само собой понятно, плохо знают Китай, географию Китая, его историю, и когда читают в телеграммах странно звучащие фамилии китайских деятелей, то очень часто не могут в них разобраться. Но русские рабочие по собственному опыту знают, что такое гражданская война и знают, что такое интервенция империалистов, и поэтому сведения, о том, что английские, французские, американские, японские военные корабли собираются то у Кантона с угрозами по отношению к революционному демократическому правительству юга, то собираются у Шанхая,—этих сведений было достаточно, чтобы русские рабочие поняли, что там подготовляется то же самое преступление, против которого рабочие России боролись с оружием в руках в продолжение многих лет. Но, товарищи, недостаточно наше инстинктив-

ное сочувствие к китайскому народу. От сочувствия ему не будет легче. Мы обязаны помочь китайским трудовым массам в их борьбе, и для того, чтобы мы были в состоянии им помочь, первый долг—постараться понять, что происходит в Китае, как ни чуждо и странно звучат фамилии китайских деятелей, как ни далека была бы эта страна от нас.

Товарищи, иностранные ученые, иностранные журналисты такие, которые много лет жили в Китае, рассказывают про Китай, как про страну, в которой ничего нельзя понять, что там происходит. Один англичанин, который в продолжение сорока лет заведывал китайскими таможнями, заявил, что после сорока лет он еще меньше знает о Китае, чем когда приехал в Китай. Но это, товарищи, ерунда, это тоже самое, что представители иностранного капитала рассказывали про Россию. Когда читаешь про нашу гражданскую войну, то выходит, что ничего нельзя понять: кто кого, где, как и за что дерутся. Мы, русские рабочие, имеем великолепное оружие для ориентировки в китайских делах, это то же самое оружие, которое позволяет нам ориентироваться во всех мировых событиях. Оружие это есть марксизм. И когда мы слышим небывалые рассказы про борьбу в Китае, первое, о чем мы себя спрашиваем, это такой вопрос: кто борется, какие классы, какие слои населения борются в Китае за власть, ибо то, что там происходит, это, само собой понятно, есть борьба за власть, и первое, что нам приходится сделать — это уяснить себе движущие силы внутреннего развития, которые создали борьбу потрясающую страну в продолжение более 14 лет.

Президент Южного Китая, глава народно-демократической партии **Сун-Ят-Сен.**

Китай встал на путь капиталистического развития.

Товарищи, Китай уже не является средневековой страной. Если только принять во внимание, что внешняя торговля Китая равна трем миллиардам золотых рублей (беря круглые цифры), то это уже говорит о том, что Китай втянут в водоворот капиталистического развития и все, что происходит в Китае, связано с рождением нового буржуазного лада, нового буржуазного государства. Когда мы говорим о Китае, то нам кажется, что Китай представляет собой одну страну, одну нацию, и нам очень дико, почему там происходит борьба не только между классами, а происходит борьба между севером, центром Китая и югом, почему там дерутся на севере Чжан-Цзо-Лин, господствующий над Манчжурией, в центре Китая У-Пей-Фу, на юге Сун-Ят-Сен.

Что кроется за этой борьбой? Товарищи, надо отбросить с самого начала понятие о Китае, как одной стране. Если вы посмотрите на карту, то увидите, что Китай больше всей Европы и в Китае живут люди говорящие на языках друг другу непонятных—на юге, севере и в центре тот же самый китайский язык принял вид настолько разнообразный, что разница не только такая, как между польским и русским языком, но значительно дальше идущая. Если еще примете во внимание, что население, по количеству своему громадное, больше четырехсот миллионов в то время, как у нас в России в советском союзе не было 130 миллионов, то тут вам уже ясно станет, что такая громадная страна, с таким громадным населением,—не легко

может быть об'единена, что тут неизбежен распад ее на провинции, на части, что, само собой понятно, здесь нет того звена, здесь нет тех скреп, которые создают современную капиталистическую нацию.

Командующий войсками Пекинского правительства **У-Пей-Фу.**

Как соединялась Франция, как соединялась Германия, как соединялась Англия в одно государство? Вы это знаете, т.т., из истории. Когда всю страну соединили пути сообщения, когда во всей стране люди начали друг на друга работать, когда капитализм создал один рынок, тогда создалась одна нация.

А у нас, в Советской России, чем создано единство, которым мы держимся? Оно создано разви-

тием капитализма, которое привело к тому, что в Донецком бассейне углекоп или металлист в Юзовке работали не только для себя, а работали для всей России; что текстильные рабочие Москвы работали не только для Европейской России, но и для Сибири.

Международная война следствие слишком слабого развития капиталистического хозяйства.

И, если в Китае происходит теперь еще борьба между провинциями, то это является результатом того факта, что капиталистическое развитие в Китае молодое, что капитал не сумел еще всю страну об'единить ни железными дорогами, ни совместным рынком, ни совместным производством. Благодаря этому, товарищи, когда китайская революция 1912 г. сбросила ито старой династии Манчжу, когда в 1912 г. народ уставший от неурядиц, от беспрерывных наводнений, которые имели последствием голод, народ, уставший от того, что старое правительство не в состоянии было защищать Китай против мёждународного капитализма, народ восстал и скинул старую династию,—тогда не было еще на исторической сцене класса, который мог бы во всем Китае взять в свои мощные руки руль управления. И китайская буржуазия была еще слаба. А если буржуазия еще слаба и неразвита, то само собой понятно, что еще слабее пролетариат, ибо пролетариат является спутником буржуазии. Он развивается, развивает свои силы по мере капиталистического развития, и в бою с буржуазией. Раз буржуазия находилась в самом зачатке, и не могла

охватить страны, не могла взять ее в свои руки, то само собой понятно, что тем меньше мог пролетариат тогда стремиться к власти.

Революция 1912 г. была стихийным движением недовольства масс. Это движение было достаточно

Президент Центрального Китая **Цзао-Кун.**

сильно, чтобы скинуть старую власть, но это движение было чересчур слабо, чтоб занять место этой старой власти.

Что представляла собой старая власть? Старая власть представляла собой бюрократию и военщину. И когда революция 1912 г. сняла верхушку китайскую, сняла старую отжившую века бюрократическую верхушку, династию Манчжу, то власть взяли в свои руки те люди, те слои, которые в про-

винции на местах и до этого времени держали власть. Этими слоями, этими кругами была бюрократия местная и были военные власти. Они имели аппарат нажима, аппарат держания в повиновении населения, военную организацию, они имели в руках аппарат полицейский, судебный, податной, они остались у власти.

Представьте себе, что в России во время восстания декабристов,—мы будем скоро сотую годовщину этого восстания вспоминать,—когда в России тоже не было ни сильной буржуазии, и только что зарождался пролетариат, а царизм был уже гнилой, ослабевший,—если бы эти дворянские революционеры, которые на Сенатской площади в 1925 г. собрались, проявили больше решительности, а это могло бы случиться, и тогда скинули бы власть царя, то само собой понятно, что из этого не получилось бы ни власти буржуазной, об'единяющей Россию, ни тем менее власти пролетарской, а получилась бы власть чиновничества и военщины по губерниям, и мы бы, которые теперь не понимаем, что происходит в Китае, имели бы у себя в России ту же самую картину.

Но, т.т., если китайское общественное движение было еще молодым, классы не оформились и только начинали складываться, то все-таки возврата к старому уже не было. И если власть захватили военные губернаторы, опирающиеся на армию и бюрократию, то это уже не старая китайская власть, ибо уже обстановка начала изменяться. Во-первых, капиталистическое движение из года в год идет дальше. Уже есть в Китае целый ряд областей, работающих на вывоз.

Дерущиеся губернаторы—исполнители воли отдельных групп буржуазии.

Вы спросите: чем этот, воинствующий на севере Китая и в Манчжурии генерал-губернатор—Чжан-Цзо-Лин, держится? Когда говорят, что это бандит,

Генерал-губернатор Манчжурии **Чжан-Цзо-Лин.**

который захватил часть страны, то стоит поставить вопрос: ну хорошо, Чжа-Цзо-Лин бандит, но на какие деньги он содержит свою армию и что он делает для того, чтобы население его не свергнуло, и тогда ответ на это будет ясен.

Со времени борьбы за Манчжурию, со времен проникновения туда японцев и русских в Рус-

ско-японскую войну, там начало развиваться капиталистическое земледелие. Оттуда вывозят хлеб, вывозят пшеницу, вывозят новый продукт, раньше неизвестный на мировом рынке, а теперь приобретающий большое значение,—род бобов—соя, из которых делают растительное масло. Там развилась большая мукомольная промышленность. Там начинают развиваться угольная и металлургическая промышленность. Значит это дико звучащее имя генерал-губернатора Чжан-Цзо-Лин означает военщину, которая опирается на пробуждающийся, развертывающийся капитализм Северного Китая.

А что представляет собой У-Пей-Фу, этот самый сильный из военных владык Китая? Почему он самый сильный?

Он руководит территорией побольше многих многоуважаемых европейских держав. На этой территории живет около ста миллионов населения, между великими китайскими реками, соединяющими страну с морем. Там есть богатейшие залежи угля в провинции Шанси, там есть великий район хлопководства, там есть великая культура шелка и чая, и буржуазия, подчас иностранная, а подчас—китайская, которая разрабатывает все эти богатства, является социальной базой этого военного губернатора, борющегося с Чжан-Цзо-Лином за власть.

Теперь вопрос: почему происходит между ними борьба? Почему они не об'единяются для эксплоатации всего Китая?

Товарищи, капитализм рождает конкуренцию, он рождает конкуренцию, не только в области экономической, но и в области политической. Если вы вспомните совсем недавнюю историю Германии, то

только 50 лет тому назад, Германия, великий народ, уже в XVIII столетии имевший писателей, имена которых известны были всему цивилизованному миру, эта Германия 60 лет тому назад, еще не была об'единена, и когда там развивался капитализм, то началась борьба за власть в Германии между двумя династиями—между Гогенцоллернами, которые пытались об'единить Германию вокруг Пруссии, т.-е. захватить главное влияние, главную прибыль для прусской буржуазии, и между династией Габсбургов, которая пыталась об'единить Германию вокруг себя, вокруг австрийской буржуазии. И то, что происходит в Китае — есть борьба за об'единение Китая или под руководством северной буржуазии или под руководством буржуазии центрального и южного Китая.

Товарищи, буржуазная наука, буржуазная печать имеет громаднейшее почтение к старым династиям. Если дерутся за власть Гогенцоллерны и Габсбурги, то все понятно, потому что династия, это как сыр—чем старей, тем больше смердит и черви его едят, и если начинается драка, то это считается происшествием историческим, поэты пишут стихи и т. д. Но когда такой династии или правительству только несколько лет, то начинают спрашивать про мать и отца и считают, что это не есть большая историческая борьба, а есть какая-то борьба бандитов.

Вы знаетеЧжан-Цзо-Лину напоминают, что он хунхуз, начальник партизанских отрядов во время русско-японской войны, был, так сказать, фельдфебелем, из фельдфебелей добрался до поста человека, который вершит судьбами Китая. У-Пей-Фу тоже новый человек, но это не меняет ничего в су-

ществе этой борьбы. То, что происходит в Китае, это есть борьба разных групп буржуазии, которые развиваются особо, независимо друг от друга на великой территории Китая, для об'единения этой величайшей нации, страны — 400 милл. людей, для об'единения ее, чтобы вывести на путь капиталистического развития.

Сун-Ят-Сен—вождь демократии.

Мы знаем, товарищи, из истории прошлых буржуазных революций, из истории развития рабочего класса во всем мире, что кроме военного пути, что кроме железа, которым буржуазия об'единяла нации, есть еще другие пути, на которых народ приходит к единству. Когда 60 лет тому назад, 70 лет тому назад, германский народ, раздираемый внутренней борьбой, искал путей к об'единению, и когда буржуазия разбилась на 2 лагеря, на 1 лагерь, который искал об'единения Германии под руководством Бисмарка, железного канцлера, и на другой, который об'единялся вокруг австрийского государства, вокруг Габсбургов, тогда великий наш учитель Карл Маркс, за которым тогда были еще незначительные силы, ибо рабочий класс был очень молод, призывал этот рабочий класс и все демократические элементы к борьбе и против Габсбургов и против Гогенцоллернов. Призывал рабочий класс и мелкую буржуазию, все демократические элементы об'единиться в одну мощную партию, завоевать об'единение Германии, путем демократии.

Товарищи, мы, коммунисты и рабочие и крестьяне России, мы выросли уже из демократических

В революционном Кантоне.

В Кантоне состоялось выступление китайских фашистов («бумажных тигров»). Рабочие организации подавили это выступление. На снимке—одна из улиц Кантона, где рабочие организации поддерживают революционный порядок.

пеленок. Мы об'единили Россию, разбитую войной и контр-революцией, в железном кулаке пролетариата. Но если взрослый человек не нуждается в пеленках, то-есть возраст, для которого пеленки играют очень необходимую роль. И само собой понятно, что нельзя предлагать одни и те же рецепты всякой стране, независимо от времени и пространства. И то, что уже устарело не только для России, но и для Англии, Франции, Италии и Америки для развернутого капиталистического мира,—демократия, является для стран подрастающего Востока, для молодых капиталистических стран, необходимым этапом, необходимым путем, который приходится там пройти. Встает вопрос, а есть ли в Китае элементы, кроме этих военных губернаторов, которые пытаются об'единить Китай, путем кровопролитных войн, путем железа и огня, есть ли демократические элементы, выдвинуто ли там уже знамя единой демократической трудовой Республики?

Товарищи, эти элементы существуют, эти элементы—это не только правительство Кантонское, возглавляемое старым революционным борцом Сун-Ят-Сен, хотя это правительство, имеющее под своим знаменем 30 милл. населения, является результатом демократического развития Китая. Я говорил уже вам, что Китай сегодняшних дней, это не есть Китай—20 и даже 10 лет тому назад. В Китае в данное время очень широко развивается борьба политических партий. Громадные массы китайской интеллигенции, а она играет значительную роль в Китае, как во всех только что входящих на путь капитализма странах, стоит под знаком демократии.

Они стремятся об'единить Китай без военных генерал-губернаторов, на основе народо-правства, на основе участия в политической борьбе народных масс.

В Китае существуют уже около трех миллионов промышленных рабочих. Промышленные рабочие в своей борьбе против эксплоатации наталкиваются на рогатки полицейской системы этих военных губернаторов. Вы слышали много раз и в 1922 году и в прошлом году о расстрелах бастующих рабочих, о преследовании профсоюзов. И само собой понятно, что рабочие, наталкиваясь на эти преграды, которые ставят в интересах буржуазии военные губернаторы, борятся за демократию, за свободу собраний, за свободу стачек, за свободу своей прессы. Значит и они выходят на историческую сцену, как создатели новой жизни китайского народа.

Если вы присмотритесь к тому, что делается в китайской деревне, то увидите, что и там идет глубочайшее расслоение. Фамилии-то их странные, но вещи те же самые, что у нас. Вторжение иностранного капитала привело к тому, что гибнет старая кустарная китайская промышленность. Крестьянин начинает покупать промышленные изделия на рынке в городе, крестьянин должен уплачивать подати губернаторам и поэтому он продает на рынке. Таким образом развивается кулачество, развивается капитализм. И если еще 30 лет тому назад в Китае не было помещиков, каждый крестьянин имел свой маленький участок земли, который он тщательнейшим образом обрабатывал,—в Китае была грядковая обработка земли,— то теперь половина китайского крестьянства или работает в качестве батраков или же должна арен-

довать землю по очень высоким ценам, не в состоянии уплачивать арендной платы. Очень характерный факт: 30% всех процессов в китайских судах—процессы кулачков с бедными пролетаризированными крестьянами, которые не могут жить своим трудом. Каковы последствия этого развития в деревне? Часть идет в бандиты, добывает хлеб разбоем, часть нанимается этими военными губернаторами и работает за маленькую плату в качестве наемных солдат. Но трудовые массы начинают втягиваться в политическую жизнь. Вы видите в губерниях Китая борьбу за создание провинциального парламента. В эту борьбу втягиваются не только ремесленники, не только рабочие и крестьяне, но втягиваются и женщины. Одним словом, то, что казалось нам чуждым, теперь уже дает знакомую европейскую картину. Буржуазия создает армию, ставит у власти сильных людей, которые между собой ведут борьбу за то, какая из буржуазных клик должна управлять государством. Одновременно, народные массы втягиваются в борьбу и выдвигают лозунги—прав для себя, прав участия в решении судеб страны. Поэтому, когда мы говорим о демократических решениях, о народном решении китайского вопроса, то, т.т., это только для людей, не знающих, что происходит в Китае, звучит чуждо и неправдоподобно. Т.т., борьба за об'единение Китая представляла бы для нас громаднейший интерес, если бы она происходила вне всякого вмешательства иностранных держав, ибо не может быть безразличным для нас и для рабочих всего мира—примет ли участие в развитии человечества, как сознательный член, принимающий сознательное участие в мировом развитии китайский народ. Тот простой факт, что

там решается судьба четырехсот миллионов человек и от того выйдет ли Китай свободным государством, в котором массы народные будут бороться за власть, будут иметь возможность формироваться, готовиться к будущей борьбе за социализм, этот простой факт уже был бы достаточным об'яснением для того, чтобы рабочие всего мира с глубоким напряжением следили за тем, что происходит в Китае.

Чем занимали нас в продолжение 10 лет? В продолжение 10 лет нас занимали всякой парламентской чепухой. Уходит министр Петров, будет другой министр Иванов, об этом расписывали в газетах в продолжение нескольких недель и заставляли людей это читать. Подрались на Балканах два карточных короля, из которых каждый имел под собой версту земли, об этом гремели на весь мир. Борьба за независимость маленькой Болгарии или Сербии была косвенной причиной мировой войны.

Само собой понятно, что внутреннее развитие, об'единение такого громадного народа, живущего на богатейшей территории будет иметь глубочайшее влияние на все судьбы человечества. Но, т.т., развитие Китая не происходит под стеклянным колпаком. Толчок к этому развитию дало вмешательство иностранного капитализма, и все что теперь происходит в Китае, происходит при непосредственном и при беспрестанном вмешательстве иностранных капиталистов. Китай был втиснут в этот водоворот исторического развития. Английские военные корабли ворвались в мирное течение китайской жизни.

Китай представляется нам страной, которая в продолжение десятков лет совершенно не разви-

валась. Это понятно вздор. Китай—страна огромной старой культуры.

Все, чем кичится Европа, как своим изобретением, все это китайский народ отчасти совершенно самостоятельно изобрел раньше—географические карты, компас, искусство печатания и даже, по некоторым сведениям, то изобретение, которым капиталисты наиболее хвастаются—изобретение пороха. До этого всего китайцы сами дошли. Если они не развивались совместно с нами, то потому, что эта громадная страна, защищенная со всех сторон горами и морем, жила особой жизнью. Европейский капитализм в погоне за рынком сбыта, в погоне за сырьем, в погоне за дешевым трудом, врывался в Китай, и уже 70—80 лет, как ничего не происходит в Китае без вмешательства капиталистических держав.

Япония давно пытается положить лапу на богатства Китая.

Посмотрим, какие интересы капиталистических держав диктуют теперь их политику, толкают их на вмешательство в китайские дела. Какие капиталистические державы играют теперь руководящую роль на Дальнем Востоке.—Три державы: Япония, Америка и Англия. Из этих трех держав Англия имеет самое давнее экономическое влияние в Китае. Когда-то 80% всех китайских товаров, вывозимых из Китая на мировой рынок, шли в Англию. Англичане снабжали Китай своими изделиями. И по сегодняшний день 40% всего товарообмена Китая находится в английских руках. Английские банки господствуют на денежном рынке Китая.

Друзья Китая.

Наши представители в Китае: т. Карахан (в центре)—посол СССР в Китае, т. Бородин (справа)—представитель СССР в Кантоне.

Другая держава,—Япония была самой сильной военной державой по отношению к Китаю и по очень простой причине — Япония есть ближайший сосед Китая, японские военные корабли могут в продолжение нескольких дней из своих военных баз подойти к северному побережью Китая, в продолжение нескольких дней они могут передвинуться по всему побережью Тихого Океана. Уж это одно позволяло Японии играть решающую роль в судьбах Китая. Но Япония не только по своей географической близости была одним из самых опасных соседей Китая, но также и по своим интересам. Вы знаете, что японцы, которые точно так же даже больше чем Китай были втянуты в капиталистическое развитие, развернулись, развернули свои плантации, и теперь Япония является промышленной страной. Но базой всякой промышленности является уголь и железо. Япония не имеет в достаточном количестве ни собственного угля, ни собственного железа, а Китай является страной, которая имеет самое большое количество залежей угля. Первоклассный уголь, в количестве более миллиарда тонн содержит китайская почва, в первую очередь, север Китая, находящийся вблизи от Японии. И когда Япония думает о своем будущем, о конкуренции с другими капиталистическими державами, то ее глаза направлены на Китай, на захват Китая, на его природные богатства. Япония играла самую беспощадную роль захватчиков по отношению к Китаю. Япония по пути в Китай должна была сначала побороть самый Китай. Это она сделала в 1894 году, когда Китай, беспомощный и слабый, мог противопоставить японскому современному флоту только ста-

рые деревянные корабли, старую никуда негодную армию. Япония дралась за господство в Китае после 1904 года с Россией, и к удивлению капиталистического мира, Япония поколотила старую царскую Россию. И эта борьба молодой капиталистической Японии со старой, царской России, пред которой на брюхе лежал весь буржуазный мир, была ударом грома, раскаты которого прошли по всему Востоку. Когда японские военные корабли уничтожили русский военный флот, тогда все народы Востока почувствовали в первый раз в своей истории, что желтая раса, эти молодые силы Востока могут драться с капиталистическими державами.

Товарищи, Япония вышла победительницей, она закрепила свои победы союзом, заключенным еще в 1902 году, со старой Англией. Англия—владыка морей, владыка капиталистического мира—помогала Японии, ибо она боялась роста царской России, боялась, что она протянет после свои лапы на юг—в Индию. Мы видим, т.т., как, опираясь на этот союз с Англией, Япония укрепляет шаг за шагом свои позиции в Китае.

Началась мировая война, и этот момент был моментом, когда Япония решила пожать плоды своих стараний, своих империалистических набегов на Китай.

Япония в 1915 году обратилась к Китаю с требованиями, которые отдавали Китай полностью в руки Японии. Она не только требовала для Японии права распоряжаться северным Китаем, не только требовала права постройки железных дорог, которые обеспечили бы ей стратегическое овладение Китаем, но она требовала, чтобы организация китайской армии, финансы и железные дороги находились в руках Японии.

Товарищи, бессильный Китай, не могущий себя защищать, должен был пойти на эти требования Японии, но когда союзники собрались в Версале, тогда Китай, несмотря на угрозы японской дипломатии, которая дошла до такой степени наглости, что требовала от Китая, чтобы он скрыл навязанные ему позорные губительные требования Японии, Китай пред всем миром разоблачил японскую дипломатию. Он обратился к союзникам, которые выступали в этой войне под лозунгом «демократии», под лозунгом самоопределения нации, и которые на основе этих лозунгов кромсали карту Европы, выкраивали новые государства,—к этим союзникам обратился старейший, культурный народ, в четыреста миллионов людей, с четырехтысячелетней историей и указывал на нанесенные ему раны, требовал от союзников в Версале, чтобы они уничтожили все притязания Японии.

Но, т.т., союзники только очень вежливо раскланялись. Япония была еще сильна, и значительную часть завоеваний Японии, в первую очередь громадную провинцию Шандунь союзники оставили за Японией. Товарищи, это был момент глубочайшего разочарования китайского народа. Все китайское студенчество, вся китайская молодежь училась по англо-американским книгам, где преподавалась религия буржуазного общества, и старейший китайский революционер Сун-Ят-Сен приветствовал Вильсона, как нового мессию, будучи уверен, что Америка заступится своей силой и могуществом за китайский народ. И когда оказалось, что союзники приняли то положение, что можно грабить Китай, то наступило глубочайшее разочарование всех передовых элементов китайского общества. И тогда буржуазная демократия, буржуазное правительство

Китая мало-по-малу начало оборачивать свои глаза к Советской России, где русский трудовой народ с оружием в руках боролся против союзников за свое право самоопределять свою судьбу.

Вор у вора дубинку украл. Английско-Американские империалисты грабят награбленное японцами.

Но, т.т., если союзники не защищали китайский народ во имя интересов китайского народа, то скоро пришло время, когда началось наступление англо-американского капитализма на японский империализм, наступление не во имя освобождения китайского народа, а во имя лозунга: «отдай нам тобой награбленное».

Уже на Вашингтонской конференции союзники заставили японцев уйти из Шандуня. Японцев заставили удалиться и уйти из Шандуня. Почему? Очень просто. После войны Япония с награбленным ею осталась в полном одиночестве. Из строя выбыла царская Россия, выбыла империалистическая Германия. Япония не могла связаться с нами, не могла заключить союз против Америки с Англией. Америка была теперь сильнее Англии. Америка заставила английский империализм порвать старый союз с Японией. И вот, когда японский разбойник остался один, тогда господа союзники сказали ему: давай, что ты награбил. Это имело уже место на конференции в Вашингтоне, зимой 1922 г. Но, т.т., с того времени, Япония еще более ослабела. Прошлогоднее землетрясение вы-

звало море крокодиловых слез из глаз английских и американских капиталистов. Они послали корабли с консервированным молоком и всякими другими средствами пропитания, но одновременно с этим они послали и летчиков, которые бдительно смотрели за тем, погиб ли японский флот или не погиб, уничтожены ли японские резервуары нефти, и когда убедились, что часть японского флота пострадала, что резервуары уничтожены, что землетрясение причинило Японии такие громадные потери, что в течение многих лет придется деньги расходовать не на постройку новых кораблей, а на отстройку Токио и др. пострадавших городов, то англо-американские капиталисты решили, что пришло время нажать еще больше, еще больше вытеснить Японию. И теперь, т.т., если будете иметь в виду эту обстановку, вы увидите, как она отзывается на всей внутренней группировке. На севере Китая лежат три провинции Манчжурии, с ними Япония—сосед. В Манчжурии Чжан-Цзо-Лин и само собой понятно, что Япония влияет на его политику, помогая ему финансами, помогая инструкторами, ибо он есть, в известном смысле, ее пешка, в шахматной игре. Если бы Чжан-Цзо-Лин удалось захватить власть в Пекине, это означало бы, что Япония в Пекине играет первую скрипку. А Англия и Америка? Англия и Америка когда-то ставили ставку на китайскую революцию. Когда в 1912 г. началась китайская революция, то английские и американские банки отказали в займах старому правительству, в известное время денежную поддержку китайская революция получала от них, хотя б в лице столь ужасного Сун-Ят-Сена. Почему? Потому что, Япония тогда шла к за-

Типы Китая.

Китайская беднота

хватной цели и Америка и Англия не могли бороться с ней и поэтому пытались бросить какой-нибудь камень ей под ноги. Китайская революция казалось им таким средством борьбы против Японии и поэтому они ее поддерживали. Но теперь, понятно, они не думают о поддержке революции. И если есть уголок Китая, единственный, где рабочие массы сохранили право собираться и организоваться со времени революции, то, конечно, союзники не думают о поддержке Сун-Ят-Сена: само собой понятно, что Сун-Ян-Сен, это для них только главный камень преткновения, ибо не для того капиталисты Англии и Америки, убегая от профессионального движения в своих странах, идут в Китай, чтобы натолкнуться здесь на профсоюзы. Если в Китае хотя бы мелкобуржуазная демократическая власть должна была предоставить рабочим массам возможность организоваться, то, конечно, рабочее движение развивалось бы сильнее. Теперь рабочий в Китае за 14-часовой день получает 30 копеек. Понятно, если рабочие организуются, то в первую очередь, они поведут борьбу за сокращение рабочего дня и за повышение заработной платы. И потому уничтожение не только демократического правительства Сун-Ят-Сена, но уничтожение всей развивающейся молодой демократической жизни в Китае является одной из первых задач английского и американского капитализма. И поэтому они поддерживали и поддерживают те элементы в Китае, которые стремятся к созданию сильной буржуазной капиталистической власти. Чжан-Цзо-Лина они не могут поддерживать, так как за ним находятся японские штыки, и его власть была бы орудием влияния Японии.

Союзники поддерживают У-Пей-Фу не для объединения Китая, а для захвата его.

И поэтому, поддержка американского и английского капитала в данный момент, идет по направлению У-Пей-Фу, ибо он держит в своих руках самые главные области капиталистического развития.

Но было бы смешным думать, что англичане и американцы своим вмешательством в пользу У-Пей-Фу хотят об'единения Китая под руководством и при сильной власти У-Пей-Фу. Они теперь выдвигают лозунг: — «Надо водворить в Китае тишину, порядок, спокойствие. Надо принудить всех этих генерал-губернаторов, чтобы они сели за один стол и подчинились одному центру».

Это очень хорошо звучит. Что это означает? Это означает, что Чжан-Цзо-Лин на севере, который связан с Японией, и Сун-Ят-Сен, который открыто высказывается за союз с Советской Республикой, и который представляет интересы трудовых масс—они должны подчиниться У-Пей-Фу. Но кто будет давить на У-Пей-Фу?

В северной гавани стоят английские и американские корабли, у Шанхая через реку Ян-Ци-Киян, которая соединяет море с главной промышленной областью Китая, стоит ряд английских кораблей. Если подчинить всех У-Пей-Фу сначала, то позже-придет момент для подчинения У-Пей-Фу тому же самому американскому капитализму. Но У-Пей-Фу не представляет собой простой пешки англо-американского капитализма. Он имеет за собой чересчур большую территорию и обладает армией. Он думает,

что он использует европейцев для борьбы с Чжан-Цзо-Лином, с Японией, а после будет хозяином положения. Но, товарищи, ему никогда не позволят настолько окрепнуть, чтобы он не имел против себя конкурентов, на которых они в будущем могли бы поставить ставку. И английская пресса с медным лбом открыто заявила, что задача будет состоять в том, чтобы союзники обеспечили за собой главные центры ж.-д. движения и что не надо избегать крутых мер. Иначе говоря, на холодном языке, они займут ж.-д. дороги и главные гавани, чтобы предписывать Китаю, как ему устраиваться.

Товарищи, мы не знаем, каким темпом будет развертываться эта интервенция. Картина международного положения, которую я вам дал, говорит, что в данный момент это вмешательство Японии наиболее невыгодно, ибо она против блока Англии — Америки. Есть известие, что Япония на севере, в Манчжурии имеет свою полицию, своих военных инструкторов. Тут собирают подати, сажают людей в каталажку. Она против вмешательства, она за то, чтобы Китаю дали бы развиваться, как он хочет. Это означает в переводе с хорошого японского дипломатического языка на военный русский следующее: «Я сижу в Манчжурии и не имею силы теперь лезть дальше, но, господа, я не хочу, чтобы вы полезли в Манчжурию, поэтому, будьте любезны оставить Китай в покое».

Франция, которая когда-то играла большую роль в дальне-восточных делах, как вы знаете, она использовала первый период открытия Китая, чтобы украсть у него большие провинции. Но, Франция теперь не имеет ни денег ни сил для того, чтобы себе захватить Китай. Франция имеет в Европе мно-

Типы современного Китая.

Поденщик.

гие интересы, и поэтому не подлежит сомнению, что Франция далеко не пойдет совместно с англо-американскими интервентами. Франция будет пытаться даже свое формальное участие в интервенции, посылкой нескольких военных кораблей, продать за уступки Англией и Америкой в вопросах о долгах, в вопросах германских и т. д.—там будет итти торг, будет итти борьба.

А тот простой факт, что мы здесь при первых признаках интервенции закричали караул, — этот факт тоже немножко огрел и охладил господ английского и американского министров иностранных дел. Сам благочестивый г-н Юз, который при имени Советской России чувствует себя плохо, выступил, как только пришла телеграмма о той буче, которую мы здесь подняли — выступил с опровержением, что «боже сохрани мы ни на какие территориальные захваты в Китае не идем». Печать сначала валяла дурака:—«Ничего не случилось с Китаем, мы ничего не знаем, там что-то в Шанхае стреляют. Само собою понятно — пули могут попасть в глаза англичанам, поэтому мы поставили там английские пушки. Больше ничего не случилось».

Позже начали открыто развивать план интервенции. Теперь начинают понемножку помалкивать.

Если им удастся сломить Китай — примутся за нас.

Товарищи, было бы смешно думать, что мы нашим предостерегающим криком сделали эту интервенцию невозможной. Они еще не сговорились окончательно. Они ведут еще закулисные разговоры.

Они чересчур рано выступили и разоблачили свой план. Наше предостережение не преждевременно, но пришло в самое время. Но оно интервенции не уничтожило, эта интервенция идет, будет развиваться,—не знаем в каком темпе, но она идет. Она идет по двум причинам. Первую причину я уже назвал. Япония ослабела, раз один разбойник ослаб, то другие разбойники хотят ему «облегчить ношу», снять у него со спины то, что он награбил. Вторая причина—это соглашение союзников об эксплоатации Германии. Весь план союзников об эксплоатации Германии сводится к простой вещи—бить немца в хвост и в гриву так, чтобы он работал всеми силами и производил дешевые товары, для того, чтобы эти товары тем или другим путем попадали в руки союзников, как возмещение военных убытков.

Но что же им делать с этими товарами, если эти товары представляют конкуренцию на внутреннем их рынке, конкурируют с товарами их собственных фабрик и заводов? Два только новых громадных рынка существуют в мире—это Советская Россия и Китай. Для того, чтобы ускорить развитие внутреннего рынка надо, по их мнению, взять Китай твердо в руки мировых жандармов империализма. Вначале надо страну взять в свои руки, а после начать вывозить то, что производит Китай и привозить сюда дешевые товары.

Второй рынок—это Россия. Что вы, товарищи, думаете, что то, что происходит в Китае не находится в глубокой внутренней связи с тем поворотом, который в последнее время мы замечаем в отношении политики союзников к нам? Что означает попытка срыва англо-советского договора о займе? Капитал английский и американский стремится

разрушить всякие попытки дать кредит России. Что это означает? Это означает финансовую блокаду. С какой целью? С той целью, чтобы нас принудить отказаться от монополии внешней торговли и принудить нас пойти на ряд уступок английскому и американскому капитализму, которые сводились бы в окончательном счете к тому, что пусть мужик пашет землю, земледелие в России развивается, а пусть рабочий не работает на него, а мы будем русскому мужику продавать иностранные товары.

Положение, в котором находится теперь англо-американский капитал, приведет его неминуемо к новому нажиму на Советскую Россию, и толкает его на интервенцию в Китае. Мы не знаем в какие сроки они начнут нажимать на наши бока. Теперь мы только чувствуем, что они нас начинают маленько щупать. В Грузии меньшевики устраивают восстание, в надежде, что мы для получения займа будем деликатны и позволим им делать то, что они хотят, чтобы не раздразнить нашего друга господина Макдональда. В других местах, вблизи Советской России английская военная разведка начинает устраивать нам пакости. Пока-что они нас деликатно щупают, сколько мы выдержим и сколько они могут, а массаж, если мы не будем защищаться, придет позже. То же с Китаем — сначала корабли в Кантон, корабли в Шанхай, ноты в Пекин, посмотрим какой отпор даст китайский народ и что скажет Япония и Советская Россия, а позже пойдем дальше. И это, т.т., указывает нам снова, как ближайшим образом связаны наши судьбы с судьбами восстающих народов Востока. Если китайский народ сумеет защищаться против интервенции, то не только он будет сильнее, но и мы будем сильнее.

Если мы, давая отпор всяким покушениям англо-американского капитала на Советскую Россию, поможем китайскому народу в его борьбе, а мы можем ему помочь, и само собой понятно, что и он и мы будем сильнее. Т.т., в иностранных буржуазных газетах рассказывают, что мы переживаем теперь эпоху демократии и пацифизма. Мы видели эту демократию в Лондоне, когда английские, американские банкиры собирались в гостинице и по радио передавали свои приказы и решали какие налоги должен платить германский народ в продолжение чуть ли не 40 лет, какую дань должен платить этот германский народ. У них существует собственный парламент, очень демократически избранный, в его выборах принимают участие и армия, сражаясь с рабочими, и рабочие, сражаясь с этой армией. Мы видели эту демократию, как она, в лице рабочего правительства Англии, отсылала военные корабли на защиту кантонских купцов против правительства кантонской и китайской бедноты и рабочих. Вы видите эту демократию, когда она подготовляет новые шаги против Китая, когда она подготовляет новые злодеяния против нас. Т.т., против всех новых поползновений и попыток мирового капитализма нам надо снова мобилизовать народные массы не только России, но народные массы всего мира.

Наша задача рассказать рабочим всего мира о борьбе их китайских братьев.

Сами себя мы сможем защитить. Семь лет нашего существования, наше хозяйственное развитие развитие нашего государственного аппарата, крас-

ной армии сделали из Советской России такого ежа, что всякая империалистическая собака, которая попытается его брать зубами или ногтями, только уйдет с расцарапанным носом. Китай пока слабее и слабость его состоит, во-первых, в том, что рабочие в Китае, только начинают организовываться. Мы должны им в этом деле помочь, всем что есть в нашем распоряжении: нашим опытом, нашей умелостью, обучением китайских товарищей у нас урокам китайской революции. Мы должны им помочь, связать их с крестьянскими массами Китая, толкая их на об'единение с китайской беднотой, ибо там еще предстоит бой, в котором значительную часть дороги рабочим Китая, придется пройти совместно с китайской, местной буржуазией. Мы должны им помочь еще в другом смысле. Когда мы боролись за наше существование, т.т., то все рабочие во всем мире понимали, что наша борьба есть их борьба, и даже рабочие, не коммунисты, имели глубочайшее сочувствие к нам, они понимали, что здесь борется рабочий класс за свое существование, что против него помещики и капиталисты, и они нам помогали. Мы вышли победителями из гражданской войны не только потому, что мы научились организовывать Красную Армию, не только потому, что рабочие и работницы, страдая по фабрикам напрягали все свои силы, чтобы снабдить Красную армию тем, что ей было необходимо. Мы победили потому, что рабочие всех стран не шли на войну против нас. Если бы английский капитал, если бы американский капитал, если бы французский буржуй могли бы послать свои великолепно вооруженные, снабженные, испытанные в войне армии, то, быть может, они нас в короткий срок по-

бедили. Но они не могли позволить себе этой роскоши, потому, что поголовно весь рабочий класс соглашался он или не соглашался с большевиками, был против интервенции. Т.т., не так дело обстоит с отношением трудовых масс во всем мире к китайскому трудовому народу. Китаец для них — что-то чужое, фамилии звучат очень странно, китайскую жизнь рабочие массы не знают, китайцы для них только конкуренты, которые в Америке работают за очень дешевые деньги и зачастую из нужды и беды являются штрейк-брехерами. И так капитализм хочет задушит китайский народ при молчании всего мира. Хочет подготовить интервенцию и поход против китайских трудовых масс, так чтобы никто в Европе не схватил европейского империалиста за руку. Наши задачи, т.т., быть голосом китайской революции. То, что китайская революция не может еще сказать рабочим Англии, Франции, Америки, Италии и Японии, то, что она не может найти к ним путей, это мы должны им сказать, этот путь мы должны найти. Общество «Руки прочь от Китая» ставит своей первой задачей создать гласность вокруг китайского вопроса, не позволить мировым империалистам при молчании народных масс Европы и Америки задушить китайский народ. Первой задачей нашего общества будет сорвать маски с лица мирового империализма при его подготовке к нападению на Китай. Т.т., связать рабочие массы не только России, но и всего мира с китайской революцией, об'яснить им, что там происходит борьба не только за свободу китайского народа, но что от этого, от исхода этой борьбы зависит многое в судьбах мирового рабочего движения, — это первая наша задача.

Захват Китая—петля на шею американскому и английскому пролетариату.

Т.т., казалось бы, что здесь есть известное преувеличение. Какая разница английскому или американскому рабочему — кто господствует в Китае и как господствует? Но кто так думает, тот глубоко ошибается. Китаю не миновать известного периода капиталистического развития. Там пролетариат черезчур слаб, чтобы он уже теперь мог захватить власть. Но иначе пойдет это развитие. Это капиталистическое развитие не будет иметь последствий для рабочих других стран, если Китай будет развиваться свободно, если рабочие там будут иметь свободу организации, свободу профсоюзов, агитации, а иначе они будут жить на капиталистической каторге, где в качестве сторожа будет стоять европейский или американский шпик. Ибо, если развитие Китая пойдет революционным путем, то рабочие на этом пути создадут профсоюзы, создадут свою политическую коммунистическую партию, завоюют свободу, завоюют человеческие условия жизни и будут товарищами по борьбе рабочих всех стран, а не будут конкурентами, штрейхбрехерами. Если европейский и американский пролетариат позволит мировому капиталу сделать из китайских рабочих рабов, то эти рабы будут самыми опасными врагами европейских и американских рабочих. Американские оппортунисты обучают американских рабочих требовать, чтобы не пускали японских и китайских рабочих в Америку, чтобы они не становились им конкурентами. Но эти дураки не понимают, что американскому капитализму еще выгоднее эксплоатировать китай-

ских рабочих в Китае, где не будет социалистического европейского агитатора, где можно будет народ держать в ежовых рукавицах, где можно будет рабочим запрещать всякое движение. Поэтому, т.т., если европейские и американские рабочие оставили бы китайских рабочих без помощи, то им бы пришлось за это в будущем многим тяжелым уплатить.

От Китая руки прочь.

Т.т., мы взяли на себя инициативу защиты китайской революции по простой причине. Мы ближе к Китаю, чем рабочие других стран, благодаря тому, что у нас была революция. Между нами и китайскими передовыми рабочими уже завязались близские сношения. Китайские рабочие группами уже приходят к нам учиться и нам помогают научиться понимать восточные революции. Но не только это, сказал бы я, но и близость географическая накладывает на нас это обязательство. Мы, рабочие, которые вынесли на себе все страдания гражданской войны и интервенции, мы знаем, что это значит и мы легче, чем рабочие других стран, сумеем выполнить эту задачу. Товарищи, для того, чтобы мы могли выполнить эту задачу, нам нужна ваша помощь. В данный момент дело идет не о вооруженной помощи и не о денежной помощи. В данный момент дело идет о том, чтобы вы следили за тем, что происходит в Китае, чтобы вы сумели понять, что там происходит, чтобы вы связались через наше общество с рабочими Китая и Европы. Студенты Московских университетов вынесли обра-

щение к студентам Китая и к студентам Западной Европы. Это кажется очень легкой вещью. Но, товарищи, это важная вещь, это покажет студентам Китая, что они не одно в своей борьбе, что они связаны здесь со студенчеством, имеющим свои революционные традиции. В Китае имеются промышленные центры, имеются центры железнодорожного передвижения. Почему бы железнодорожникам Москвы не обратиться к железнодорожникам Шанхая и Пекина и им не выразить своей солидарности с китайскими рабочими. Почему металлисты наши или наши текстили не должны обратиться к четырем стам тысячам китайских текстильных рабочих со своим обращением. Придет время, когда мы сумеем послать туда наших рабочих с заводов, чтобы они там выразили им свои братские чувства и обещали помощь. Вспомните, товарищи, чем был для нас во время нашей гражданской войны и во время интервенции всякий рабочий, который пробирался из Европы к нам и рассказывал о борьбе, которую ведут рабочие из других стран. Это было великой помощью нашему пролетариату. Это были только слова, известия, но они отражали ту помощь, которая идет к нам и мы от этого крепли и делались более стойкими. Мало того. Мы не знаем, как будут развертываться события, мы не знаем, какую помощь в будущем мы окажем китайским трудящимся массам в борьбе за независимость, за свободные условия развития рабочего класса, за освобождение крестьянства. Только тогда, когда рабочие и крестьяне России будут понимать, что делается в Китае, мы—русский рабочий класс, русское крестьянство, Советское Правительство, Коминтерн, сможем исполнить свой долг. Когда русский царизм в прошлом начинал инте-

ресоваться событиями в Китае, то это происходило таким образом, что русский министр Витте пил чай с китайским министром, преподносил ему на тарелке 400.000 рублей и дело было в шляпе. Если мы хотим связаться с китайским народом, то мы сможем это сделать только тогда, когда передовые рабочие и крестьяне России будут понимать головой и сердцем, что мы имеем совместные интересы, что борьба четырех сот миллионов населения против мирового империализма—это наша борьба, часть нашей борьбы и мы в этой борьбе не можем оставаться в стороне.

СОДЕРЖАНИЕ:

Стр.

I. Китай вчерашнего и сегодняшнего дня:

a) Природные богатства Китая неисчислимы . . 3
b) Ограбить Китай уже пытаются давно 6
c) Результат грабежа — восстание народных масс. 11
d) Классовый состав Китая. 14
e) Революция 1911 г. 18
f) Распад Китая. 19

II. Империалистическая интервенция и гражданская война в Китае:

a) О том, что делается в Китае должен знать каждый рабочий. 23
b) Китай встал на путь капиталистического развития 26
c) Дерущиеся губернаторы—исполнители воли отдельных групп буржуазии. 31
d) Сун - Ят - Сен — вождь демократии. 34
e) Япония давно пытается положить лапу на богатства Китая 40
f) Вор у вора дубинку украл 45
g) Союзники поддерживают У - Пей - Фу не для об'единения Китая, а для захвата его . 49
h) Если им удастся сломить Китай,—примутся за нас. 52
i) Наша задача рассказать рабочим всего мира о борьбе их китайских братьев. 55
k) Захват Китая—петля на шею американского и английского пролетариата. 58
l) От Китая руки прочь 59

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОЧАЯ МОСКВА“

Б. Дмитровка, 26. Тел. 2-12-00, 4-71-88, 3-86-30.

ВЫШЛИ КНИГИ:

Ленин — Московским рабочим Сборник речей (размер — 40 печатных листов) (разошелся) . . . . . 5 р. — к.

Ленин — Московским рабочим. 2 издание. 5 „ — „

12 биографий — 1-е, 2-е, 3-е издания (разошлись) . . . . . — „ 25 „

Дело Б. Савинкова (128 стр.) (разошлось) — „ 25 „

„ „ 2 издание (дополненн.) — „ 30 „

В. П. Ногин — брошюра (32 стр.) (разошлась) . . . . . — „ 15 „

27 января 1924 г. (4 часа дня)—брошюра. — „ 15 „

Передовые отряды Ленину — брошюра. . — „ 15 „

I Интернационал — доклад т. Луначарского (брошюра) . . . . . — „ 20 „

Китай в огне войны — доклад т. Радека и социально-политический очерк Китая (брошюра) . . . . . .

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

12 биографий — 4-е издание . . . . . — „ 25 „

ПОДПИСКА

на издания „Рабочей Москвы“

„РАБОЧАЯ МОСКВА“,

орган МК РКП, Моссовета и МГСПС.

Для рабочих — р. 40 к. } в мес.
Для остальн. 1 р. — к. }

„СОВЕТСКАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ“,

ежемесячный журнал.

Цена—20 коп. в месяц.

„КРАСНЫЙ ПЕРЕЦ“,

еженедельный сатирический журнал в красках.

Цена—85 коп. в месяц.
Для рабочих—60 к. при коллективной подписке.

„ИСКОРКА“,

ежемесячный журнал для детей.

Цена—50 коп. в месяц.

(8 №№ в год.)

„БИБЛИОТЕЧКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ“.

Цена—20 коп. в месяц.

„ДЕЛЕГАТКА“,

ежемесячный журнал работниц.

Цена—18 коп. в месяц.

„САМОУЧКА“,

ежемесячный научно-популярный журнал.

Цена—20 коп. в месяц.

Библиотека Института Ленина

„ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА“,

ежемесячные книжки.

Цена—15 коп. за книжку.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА КАК НА ГАЗЕТУ С ПРИЛОЖЕНИЯМИ, ТАК И НА КАЖДОЕ ИЗДАНИЕ В ОТДЕЛЬНОСТИ.

АККУРАТНАЯ И РАННЯЯ ДОСТАВКА ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Подписка принимается: в гл. Конторе—Б. Дмитровка, 26; в районн. Экспедиц. „Раб. Москвы“ при Райкомах; в Моск. г. в Уездн. Экспедиц.
ТЕКУЩИЕ СЧЕТА ИЗ-ВА: Госбанк № 5972,
Горбанк №№ 6021 и 914, Всекобанк № 144.

50 к.

Цена 25 коп.

ИЗД-ВО „РАБОЧАЯ МОСКВА“
Б. Дмитровка, 26. Тел. 2-12-00, 4-71-88, 3-86-30.